

Динамичность и динамитность

К 75-летию Эдуарда Хандюкова

Открыть тайную свободу в себе, открыть возможность её постижения людям, говорить, внимая, — предназначение поэта в вечности. Поэзия обращает количество в качество в отличие от маскультуры, обращающей качество в количество. Афористичность как таковая не самоцель, а естественное состояние наблюдательной, вдумчивой души. Краткая поэтическая форма выражения была хорошо знакома и совре-

менникам Насреддина в Бухаре, и скоморохам Руси, и для современного русского поэта она органична и естественна, и я не могу заподозрить Эдуарда Хандюкова в погоне за экзотикой и оригинальностью. При кажущейся простоте рубаи — трудная поэтическая форма. Одним из признаков любого вида искусства является умение достигать минимальными средствами большей выразительности. Поэзия — это как раз

та область творческой деятельности, где, согласно известной поговорке: «Словом тесно, а мыслям просторно». Персидские четверостишия — рубаи (учетверённые) сродни нашим частушкам, которым свойственна образность, динамичность и динамитность, то есть чем больше их условный тропильный эквивалент, тем ярче и зримей образы. Разнообразие тем в рубаи Эдуарда Хандюкова не дают скучать читателю. Как ни странно, эта, вроде бы, архаич-

еская форма стихосложения весьма современна своей краткостью изложения и высокой концентрацией мысленных образов, что отвечает ускоренным ритмам жизни. Рубаи Эдуарда Хандюкова в переводе Равада Рахматуллы на фарси печатаются в журналах и газетах Кабула, где он назван афганскими любителями поэзии «русским Хайямом». Славянская душа открыта Миру. Она приемлет и японские краткости, и

европейские верлибры, и персидскую поэзию. Эта открытость определена опытом многовекового общения с народами, населяющими Россию, а их было мало, включая малочисленные и автохтонные. Вот и наш юбиляр не избежал очарования прекрасной персиянки, как великий Сергей Есенин, при этом, не утратив самобытности, даже без малого намёка на подражательность. Лев КОТЮКОВ

Эдуард ХАНДЮКОВ

В трактуре вечности случайный гость

Страшит ли нас конец закономерный?
Что ищем неустанно в жизни брэнной,
Упротой тьмы буравя скорлупу,
Мы — семечки подсолнуха Вселенной?

Мы землю роём под фундамент благ.
Одной тобой, казалось, был любим.
Как черепки былых цивилизаций
Скрипят на экскаваторных зубах?

Тщусь красками перенести на холст
В глазах твоих мерцанье синих звёзд,
Но ускользает ящеричья тайна,
Мне всякий раз лишь оставляя хвост.

Я для тебя одной был дорогим.
Одной тобой, казалось, был любим.
Кто мне открыл закон непостоянства:
«Сегодня жар любви, а завтра — дым?»

Звёзд рукотворных золотую гроздь
Своим мундиром ждёшь музейный гвоздь...
Чего же сам ты ждёшь нетерпеливо
В трактуре вечности, случайный гость?

Кому-то враг, кому-то друг и брат, —
Я многогранен, но тому не рад.

Мне ль изменить природу человека?..
Во мне Христос, Иуда и Пилат.

Здесь даже чёрт на ангела похож.
Под мантией величия дышит ложь...
Забывта истина: на маскарад потешный
Пришёл ты голым, голым и уйдёшь.

Мечтой высокой душу утомил.
Её огонь утих, лишённый сил...
Утешься так: «На вечном небосклоне
В безвестности угасла тьма светил».

Желанная моя, твои глаза —
Ворота в рай, а ключ — моя слеза.
Создатель мой,

пошли мне хоть слезинку,
Чтоб плакал я и верил в чудеса.

Вожак сказал: «Ну что ж, начнём с нуля!»
И в порт бежали крысы с корабля...
Но где найдут спасенье эти твари,
Когда начнёт тонуть сама Земля?

Дворцовой люстры отражая свет,
Снял дубовый наборный паркет,
Искусно спрятав под мастичным лоском
Царапины от царственных штитлет.

Руками юности, руками ль старика
На древнем камне выбита строка:
«Зачем так долго созревание плода?
Зачем так скоротечна жизнь цветка?»

Чудесны сказки. Сказкам свой предел:
Цветок любви расцвёл и облетел...
Я ж всё смотрю на сад заворожённо,
А он, мой сад, — от снега тих и бел.

Малиновка — заботливая мать,
Вскормив птенца, учила петь, летать...
А он, гнездо покинув, в одиночасье,
В соседней роще начал... кувать.

Застыла, будто дуло у виска,
Твоя мемориальная доска
Сулдыбкой бронзовой. Но отчего такая
В глазах — мемориальная тоска?

О, гусеница, символ выспших благ!
Пусть ронцет сад, что ты первейший враг.
Жри, милая! Из коконов обжорства
По осени соткут державный флаг.

Легенд и хроник цифры и слова...
О, Родина — весёлая вдова,

Каких мужей ты низводила в бездны
И скольких провела по краю рва!

Трепещут на ветру победно флаги...
В честь павших и живых пригубим фляги.
Без мужества не только на войне,
И в мирных днях — не выжить без отваги!

Ты счастлив при удачном дележе,
Но как сказал однажды Бомарше:
«Вот поворот в зигзаге судьбоносном —
В безденежье подумать о душе».

Мы негодуем, мы поражены
Старанием «шеф-поваров» войны.
А повара, над нами потешаясь,
Пекут для нас блины... из белены...

Пугает к власти рвущийся злодей,
Пугает даже тень пустых идей...
Но более страшит и унижает
Глухое безразличие людей.

На краешке последнего мгновенья
Откроешь твоё предназначенье,

Но не горюй, коль делал что не так, —
Жизнь украшают даже заблужденья.

Неумолим разлук печальный рок
Среди пустырей, заброшенных дорог,
Среди толпы утрюмых одиночек...
Кто в сердце с Богом, тот не одинок.

Пускай враги от ужаса дрожат —
В полглаза спят ракеты-сторожа!..
Весьма он чуток и не безопасен —
Сон разума на острие ножа.

Похвальна познавательная прыть —
Частицу мироздания открыть,
Чтоб миллиарды долларов затратив,
Бозоном Хикса Бога удивить.

Я — лунный блик, мерцающий в реке...
Я — след змеи, затерянный в песке...
Я — тень любви языческого бога...
Я — пьяница, уснувший в кабаке...

Кий, как смычок, видать,
по нраву Музе —
Мой шар Судьбы: от трёх бортов и... в лузе.

Неужто жизнь моя — случайный эпизод
На поле нескончаемых иллюзий?!

Под шестлет дней в моём календаре
Смола сосны стекает по коре...
Но вопреки закону мирозданья
Застыло время мухой в янтаре.

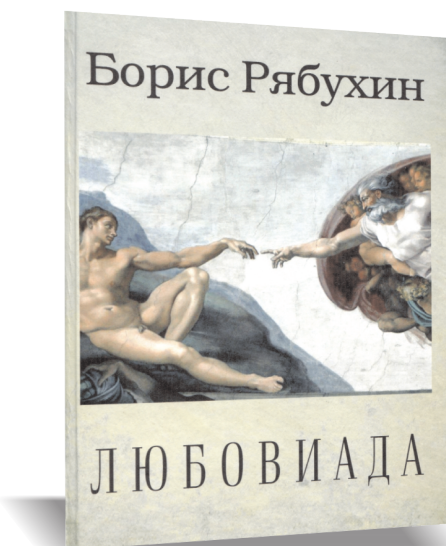
Невзрачный воробей, — не соловей,
Но люб он воробьях, хоть убей!
И трели соловья её не греют —
Чужую песню не сделаешь своей.

Мир утопает в лобе и крови,
Повсюду: то чужие, то свои...
Наивные, не ведая об этом,
Поют для тех и этих — соловьи.

О равенстве потолковать любитель,
Ты, верно, не землянин, — небожитель.
Смотри, на ринге, присмирив, лежит
В нокауте вчерашний победитель...

Как короткая дорога в мир иной!
Повадка быстро жить — тому виной.
— Эй, как вастам, прошу,
не напирайте, Бегущие, спешащие за мной!..

Живые яблоки Спаса

Время собирать... Пожалуй, именно оно и наступило для Бориса Рябухина. Вслед за знаменательной книгой прозы «Уроки матери», где автор с исчерывающей, просто истовой полнотой воздал должное своей родословной, вышло вполне избранное собрание его любовной лирики «Любовиада».

Название, конечно, обязывающее. Ведь книгу о своей любви автор никого не заставляет подобно классике читать, но сам-то своё и для себя именно чтить обязан, иначе зачем и бумагу марать, не так ли? Вот эту авторскую выскальность к собственной любовной истории прежде всего и нельзя не оце-

нить. Тем более что вполне осознанно и даже методично автор поверяет интимные переживания именно по гамбургскому счёту, а отнюдь не по модному ныне «гамбургерскому». Сами посудите: чуть ли не каждое второе стихотворение по форме, жанру, традиции или посвящению прямо указывает, что автор именно к Копернику реннует, а не к мужу Марь Ивановны... Так что больше всего будут разочарованы этой книгой поэты нынешние любители трансгенной клубнички, пыльным цветом произрастающей ныне на страницах, подмостках и экранах. Потому что даже самые откровенные строчки «Любовиады» не в постели путаются, а совестью поверяются.

Особенно это явствует из открывающихся книгу последних сегодняшних произведений, где в меру выстраданного масштаба душевного и духовного любовь уже либо соразмерна миру, либо не существует вовсе: «Ум, красоту, любви маянший дар — Что выбрать в украшение любимой, Когда едва созревший дух незримый Влечёт тебя в её волшебный жар?». И как же может быть иначе, если, по Маяковскому, поэт «не живёт без идей» в нынешней тревожной, смутной действительности Болотных шабашей и Поклоных денаршей? «На Болотной площади Ещё много плач Головы по очереди Стынут на колах...»; «Нарисовал художник кистью жёсткой И рыбь любви минувшей на ветру, Несёт мосты и парки в зыбь московскую, На дно души, как в

чёрную дыру...». Потому и парижские впечатления никак не укладываются в привычные станы сытого путешественника. Хотя и надлежащая дань традиции отдаётся русским сердцем, по Достоевскому и Гоголю преданным камням западной цивилизации, но кто же их разбудит к жизни высшей, если не русский поэт: «Но утро разума забудь опять в ливавы, Окаменеет на карнизях стон картавый, И Сыну вымолит бессмертье Мать у Бога, Животворящим сделает крестом любого»... Но хоть именно с Запада вся эта нетрадиционная гниль к нам полезла, строже всего за предательство здравых человеческих ценностей со своих надо спрашивать.

Однако и не заказано противиться этой силе разложения тому, кто ещё не потерял связи если не с Богом, то хотя бы с природой: «Дождём оплакав после гнева, Взбив облако на голове, Любоновиков глазами в небо Ты распластайся на траве, Чтоб мог увидеть Всемогущий Засыпанных землёй цветущей»...

И собственным примером автор убедительно свидетельствует, что при всех превратностях судьбы верность своим природным и духовным корням сохранена и душу, и способность любить наперекор и возрасту, и самой смерти: «Почему и ношу свою родину в сердце по свету, Перелётные годы, весенней порой належке Возвращайтесь ко мне из-далека по вещему следу Так, как волны с истока до устья летят по реке».

Вот таким образом с первых же страниц подним уровень разговора об интимном как частном случае всеобщего, автор уже вполне органично может говорить о любви в категориях самых высоких, когда уже и Бог отнюдь не все поминут: «Новый дам Завет любить друг друга» Нам предисано с библейских пор, Мы ж "за око око" чтим науку, Варварский естественный отбор». Не шадит себя поэт и в самых болезненных чувствах личной судьбы. На первый взгляд даже кажется, что не очень и по теме горькое воспоминание о безотцовщине. Но именно преодолением детской обиды даётся тот душевный урок, который позволяет если не исправить, то понять, и если не для себя, то для других оставить спасительный опыт преодоления: «Семью и дом я не построил, Хотел, да строить не умел, И дело не в судьбе, не в строе, А не было отца в пример». Отсюда, из верного выстраданного опыта, и особая выскальность в любви, которая только и может предостеречь от запоздалых покаяний: «И страстно тело веселя, Мы смели вдруг любовь Святуго, Нас тут же сбросила Земля И завертелась вхолостую...».

Впрочем, есть в книге и гораздо более убедительные строки, в которых раскрывается недожонное эпическое дарование — крохотный по размеру, но весьма ёмкий по содержанию сказ «Оля»: «Я купил сегодня краски Разведу их на меду, Нарисую мир прекрасный Красоваться на виду. Вот село под небом мая По названию Оля И под

солнцем золотая От пылины степь-земля»... Не правда ли, такой неприхотливо народный слог и Твардовскому был бы под стать? И здесь, в книге о любви, он как нельзя кстати, потому что без такой естественной, подлинно народной поэтической почвы никакая может быть любовь у русского человека? Разве что нынешняя вавилонская: «Кто заполнил проспекты и пажити, Строит новый нам Вавилон? Или орды по старой памяти К нам вернулись с былых сторон?».

Собственно, подобными неутихательными наблюдениями текущих дней и обрывается собрание новых творений автора. Дальнейшие циклы книги «Птица Сирин» и «Силы весенние» — уже воспоминание о тех не менее противоречивых, но всё же более ранних и потому вполне позитивных впечатлениях любовной истории. Когда ещё легко было творить, «А не быть, не стыть, не быть, словно в поле ветер, Всем воздаты, всех победить, Всех простить на свете»... Но уже тревога-то гложет: «Неужто впереди один-два взлёта Да несколько шагов до поворота В бездонную сырую тьмоту? А ты ещё в беспечных снах летаешь И свежести жизни с жадностью глотаешь И грозы отменяешь налету».

Впрочем, уже выношено и выстрадано пусть менее эффектное, зато естественное убеждение в самоценности собственной судьбы, собственной любви: «И на мне всё реже в искреннем молчанье Замедляется зовущий жен-

ский взгляд... И не надо, хватит роскоши заката, Где взрослелось-расцветалось для плодов, Только в деле, только в делах — вся отрада, В Спасае Яблочном из собственных садов...».

Видимо, эту мудрость и следует считать итогом странствий автора по его «Любовиаде», собранной из некогда беспечно заброшенных по жизни страстей и возжелдений, разочарований и надежд. А дополняющие книгу драматическая поэма «Сергей Грезин» и переводы из доброго десятка некогда братских советских и европейских поэтов — словно то порой драматическое, а ежесекундно трудовое бытие, которым и успокаивается сердце литератора при всех поворотах судьбы. Таким глубоко осмысленным итогом и завершается это странствие автора по городам и весям, волнам и штормам его судьбы, его любви, его зрелого собрания камней житейского опыта, которые ему удаётся своей творческой волей обратить из мёртвых минералов в живые яблоки Спаса. Становится очевидным, что и само на первый взгляд слишком претенциозное название книги отнюдь не подражательством или стремлением превзойти классиков продиктовано. Дело именно в том, что пути любви тем и хороши, что неисповедимы, словно Господни, и воздаёт только тем, кто шёл бездорожьем, торя свою дорогу. Вот и Борису Рябухину это удалось, с чем можно поздравить и его самого, и читателей его новой книги... Игорь СЕМИРЕЧЕНСКИЙ

Всё кончается людьми

Слёзы
Плачет земля росой,
Плачет дождём и градом,
Штормом плачет, порой
Бурею и торнадо.

Плач извечный земли.
Росы — слёзы от счастья.
В помощь жизни — дожди,
С засухой распрощаться.

Хуже — слёзы штормов,
Топят, крушат, увечат.
Смоют толпы домов —
Вихрем рыданий — смерчи.

Только всего сильней
Плачет земля войною,
Слёзы вскипят в огне,
Взрывом надрывным воют.

Эти слёзы войны
Будут страшней природы.

Страны сотрут они,
И сокрушат народы.

KALMISTU
(Эпитафия)

Через погост летит шоссе,
И в тунан скорбных плит,
Не зная, что здесь будут все,
Кто едет и лежит.

Нитью жизни привязаны

Всю траву за ночь инемем
Засолила зима
И в туман субмаринные
Погрузила дома.

Все мы шли водолазами
Вдоль домов-кораблей,
Нитью жизни привязаны
Каждый к двери своей.

Лубяная Россия
Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит цестиклич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
А.С. Пушкин

Лубяная Россия,
Тыща лет — произвол.
Все дрожжишь, как осина, —
То на крест, то на кол.

Триста лет — под норманном,
Триста — мучил монгол,
Триста — правил Романов, —
То на крест, то на кол.

Сотня лет — произвола
Под Лубянской пятой...
Жив — горбушкой размола
Да водою святой.

Любим землю и воду —
Нас считают за скот,

Поголовьем, приплodom...
Мол, народ — это счёт.

Нет свободы и воли,
Тыщу лет — всё тюрма.
Господам лишь раздолье —
Веселубянская тьма.

Л.В.

Далек тот берег, жёлтый, камышистый,
Где солнце грело нас до темноты.
Светился каждый лист лучистый —
И ты.

Нас забавляли ласточек полёты,
В реке спасались мы от духовты,
Клину склонялись тихо вёглы —
И ты.

Звенели комары, подобно струнам,
И хмелем пахли мятые цветы...
Я там навеки остался юном —
И ты.

Болото
Л.Г.

Все замерло, все умерло, все вымерло.
Года опали жухлою листвою.
Лишь изредка из тучи
солнце вынырнет
Миражной головою гулевой.

В затишье
ритуальных принадлежностей
Холодным саваном журчит фонтан.
Не сожжены мосты, но еле держатся.
И тесно в небе среди туч крестам.

В коношенный наш дом
дверь замурована.
И мох стены береза трёт корой.
Махнёт в окно мне молодость суровая,
Сверхсрочной жизнью
выйду из ворот.

Нарисовал художник
кистью жёсткою
И рыбь любви минувшей на ветру...

Несёт мосты и парк, и зыбь московскую —
На дно души, как в чёрную дыру.

Поецелуй

Разбередил распыл снегов.
Запах непащных откровений
Мы бросили на снежный кров,
Творя законы пригнужений.

И рысь крови не превозмочь
Нам расклеванным губами.
Прильчики отлетали в ночь
Оторопельными звездами.

Нас месяц кинулся разнить,
Как мальчик, испугавшись тайны.
Но что за счастье — упреждать
Каноны выходкой случайной!

Наметом тело веселя,
Мы смели вдруг... любовь. Святуго!
Нас тут же сбросила Земля
И завертелась вхолостую.